

- „да говорят меж собою пословицу“ (стр. 15);
 „взговорили богатыри промеж собою такую пословицу“ (стр. 27);
 „а сказывают что удалы добръ не по обычею“ (стр. 9);
 „а ростом велик добре не по обычею“ (стр. 17);
 „а всѣ тѣ кони удалы добре не по обычею“ (стр. 25—26);
 „увидели что добры не по обычею“ (стр. 26).

И даже фразы, включенные В. Ф. Миллером в число тех, которые характеризуют „язык, которым писались грамоты московскими дьяками“,¹ построены по принципу синтаксического параллелизма и повторяются по несколько раз:

- „мы тебѣ государю прямыя вѣсти отвѣдаем
 и приведем тебѣ государю языка добраго“ (стр. 2);
 „мы тебѣ государю прямыя вѣсти отвѣдаем
 или тобѣ приведем языка добраго“ (стр. 5);
 „ходили мы прямых вестей отвѣдывать“ (стр. 12—13) и т. д.

Таким образом, характерные черты стиля устного эпоса — „общие места“, повторяющиеся твердые фразы и сочетания, а также синтаксический параллелизм — являются основой „Сказания о киевских богатырях“. Но одно это еще не решает вопроса. Язык „Сказания“, его отношение к языку XVII в. и к языку фольклора в записях XIX—XX вв. в данном случае имеет особое значение.

Исследователи (А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер) указывают на то, что начало текста XVII в. „Сказания о киевских богатырях“ дефектно: в нем, якобы, отсутствует „зачин“, изображающий пир у Владимира. Утверждает их в этом мнении и все начало былины, так как в нем дублируется просьба богатырей отпустить их в „чистое поле“. В Буслаевском тексте XVIII в. „Сказания“ этот зачин есть, что также было основанием для мнения, что в Барсовском он утрачен; но во втором тексте XVIII в. (ркп. Инст. мировой литературы) этого зачина тоже нет. Отсутствие зачина в двух текстах и большая близость к былевому стиху Барсовского списка говорят о том, что в Буслаевском тексте зачин приставлен при переписке и одновременной переработке произведения. Далеко не все былины начинаются с пира у Владимира (вероятно, он позднее стал таким обязательным зачином). Несомненно, копия в Барсовском сборнике № 1463 точно воспроизводит оригинал. Об этом говорит орфография начала, в особенности написание *кѣв* и *киев*, встречающаяся как в заглавии, так и в начале текста и связывающая его со всем произведением.

Некоторая путаница в начале текста (два раза повторяется разговор князя Владимира с богатырями: до перечисления богатырей и после него) объясняется отнюдь не тем, что перед нами плохая или дефектная копия, или тем, что слагатель Сказания был „рядовой книжник“, „простодушный грамотей“, не сумевший дать связного пересказа былины или своего сочинения (конец „Сказания“, представляющий собой пересказ, прозаизованную передачу былины, говорит совсем обратное: „слагатель“, как его называют, владеет не только „былинным складом и ладом“, но и языком светской литературы), а тем, что „Сказание“ представляет собой запись устного произведения, вероятно, сделанную не самим сказителем, а слушателем, хорошо знавшим текст, и тем не менее „не успевавшим“ за устной передачей. Этим объясняются и перестановки, например:

¹ В. Миллер, Очерки..., т. II, М., 1910, стр. 129.